

Кэти Бернет

Кэти Бернет

Бет

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Neoclassic: новое расследование»

Katie Bernet
BETH IS DEAD

Перевод с английского Л. Винокуровой

Дизайн обложки В. Давлетбаевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Synopsis Literary Agency и Ginger Clark Literary, LLC.

Сайт автора <https://www.katiebernet.com>

Бернет, Кэти.

Б51 Смерть Бет : [роман] / Кэти Бернет ; [перевод с английского Л. Винокуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Neoclassic: Расследование).

ISBN 978-5-17-184029-7

Новый год. Заснеженный лес. Бездыханное тело Бет Марч и тишина, в которой слышно, как рушится семья...

И теперь ее сестры — Мэг, Джо и Эми — клянутся найти убийцу. Но чем дальше продвигается расследование, тем очевиднее становится страшная правда: под подозрением находится каждый.

Джо — популярный блогер и начинающая писательница, одержимая поиском вдохновения, для которой трагедия может стать главным сюжетом жизни. Эми — талантливая художница, мечтающая изучать искусство в Европе, но для этого нужны деньги, всегда предназначавшиеся Бет. А Мэг готова защищать человека, которого подозревают в убийстве, — ведь для нее любовь сильнее любых улики.

У всех свои мотивы, но кто все-таки пошел на преступление?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Katie Bernet, 2026
© Перевод. Л. Винокурова, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ГЛАВА 1

Джо

(сейчас)

В первое утро нового года я не нахожу Бет в ее постели. Приоткрыв дверь, я заглядываю в ее комнату и чувствую, как сердце подпрыгивает к горлу. Ее подушка залита солнечным светом, в воздухе висит пыль. Бет должна была лежать здесь, под одеялом, натянутым до носа, спокойно спящая, — но от нее остался лишь промятый матрас.

Я поднимаюсь на цыпочки и выдыхаю от облегчения. Эми тоже здесь нет — постель на втором ярусе не заправлена, белье просто свалено в кучу. Эми младше Бет почти на два года и уступает ей примерно на десять тысяч извилин, но мне спокойнее, когда я знаю, что они вместе. Эми не в первый раз пропадает всю ночь на традиционной новогодней вечеринке Салли Гардинер.

В прошлом году Эми вырубилась у Салли прямо в ванне с ножками в виде львиных лап — неплохо было бы иметь ванну с ножками-лапками, правда? — и пролежала так до утра, пока мама не приехала и не затащила ее в машину. Неловко вышло, мягко говоря.

Трудно поверить, что она снова выкинет что-то подобное — не после того, как заставила маму поволноваться, — но это Эми.

Я отправляю ей сообщение — только ей, ведь знаю, что Бет здесь ни при чем.

Ты где?

На экране появляются три точки, но, помелькав секунду, снова исчезают.

Клянусь, если мама проснется и увидит пустую двухъярусную кровать, Эми огребет от меня. Маме вообще нельзя столько переживать, особенно после ночного дежурства в больнице. В новогоднюю ночь ей пришлось переживать немало бедняг с несварением и оторванными в результате неудачного запуска фейерверков пальцами.

Я снова пишу Эми.

Если вас не будет дома, когда мама проснется...

Не дописываю, оставляя пространство для фантазии, и возвращаюсь в свою комнату, чтобы продолжить работу над рукописью. Я собиралась не спать всю ночь, но в последнее время глаза закрываются сами собой, и я отрубаясь прямо за столом, даже начинаю храпеть. Я не верю в писательский блок, ведь мое вдохновение — это постоянная, неудержимая сила, но прямо сейчас мои мысли подобны сырому цементу.

Я открываю блокнот на странице, которая служила мне подушкой прошлой ночью. Буквы размазались, но я еще в состоянии разобрать свои последние каракули.

Мне нужна идея получше, чтобы убедить моего издателя, что она не совершила ошибку, предложив мне контракт. Я пытаюсь взбодриться и снова начать работать, но тут со стороны черного хода доносится скрип ступеней.

Меня тут же накрывает волной облегчения, и я выскакиваю из-за стола.

— В следующий раз, когда захотите зависнуть на всю ночь, может, хоть маякнете мне?

В ответ Эми просто смотрит на меня, сгорбленная и одинокая. В свои пятнадцать она еще плоская, как доска, и такая же худая, а ее светлые волосы острижены по плечи и прядями выкрашены в розовый.

— Не ори, — шепчет она.

— Где...

— Я серьезно, заткнись. У мамы дверь нараспашку. — Она медленно поднимается на последнюю ступеньку и скидывает пальто, открывая взору облегающее платье, которое надела вчера вечером. Потом Эми входит в комнату с двухъярусной кроватью и хмурит брови:

— Где Бет?

— Ты мне скажи, — огрызаюсь я, подходя ближе.

Эми ошарашенно смотрит на меня, будто бы медленно переваривая услышанное.

— Ее нет дома?

— А что, похоже, что она тут?

— Черт, — выдыхает она. — Мама меня убьет.

Я воображаю нашу наивную сестру в одиночестве на вечеринке у Салли — наверное, она уснула на одном из кожаных диванов, слишком пьяная, чтобы вести машину, и даже не в состоянии дойти до дома пешком.

— Ты за маму переживаешь? А как насчет Бет?

Эми достает телефон, чтобы позвонить нашей сестре, но вызов уходит прямиком на голосовую почту.

— Попробую набрать Салли. Она была с Бет, когда я ушла ночью.

— Ночью? Ты ушла *ночью*?

Эми зажимает телефон между ухом и плечом и роется в валяющейся на полу куче одежды.

Я наклоняюсь к ней, вопрошая:

— И куда же ты пошла?

— Я ночевала... — Она замолкает — может, слушает автоответчик Салли, а может, выдумывает ответ. — Флоренс. Я ночевала у Флоренс.

Я искоса смотрю на нее.

Эми и наша кузина Флоренс — две блондинки, два сапога пара. Они практически неразлучны, но если бы ушли с вечеринки вместе, то завалились бы сюда. Флоренс живет в доме, где есть правила. Не такие, как у мамы — быть вдумчивыми и убирать за собой, — а настоящие, драконовские, которые вызывают желание что-нибудь расколошматить. Строгий комендантский час, никакого макияжа, никаких свиданий до колледжа.

— Вы пошли к тете Мэри за полночь?

— Мы тихо, — говорит Эми, но щеки у нее розовеют.

— ...И оставили Бет одну?

Она находит худи и натягивает его на голову.

— Она моя старшая сестра. Я ей не нянька.

— Она не такая тусовщица, как ты.

— И что это значит?

Эми прекрасно знает, что я имею в виду. Бет, в отличие от нее, не совершает глупых, рискованных поступков. Не разрушает и не портит все вокруг. И Бет не ушла бы из дома на всю ночь без веской причины, особенно сейчас. Через каких-то пару дней она уедет в школу-пансион, а ей надо переделать еще миллион дел.

— Идем, — решаю я. — Ее надо найти.

— Нет. — Эми хватает мои ключи и прячет их за спину. — Мы разбудим маму.

Может, она и права. У моего джипа цвета хаки уже старый, закопченный двигатель, который иногда заводится лишь с третьей или даже четвертой попытки, да и то с жутким скрежетом.

— Думаешь, я пойду пешком?

— Дом Салли не так уж и далеко.

Я бросаю взгляд через плечо на свою писанину — беспорядочную смесь полусырых идей. Эта экскурсия украдет у меня по меньшей мере двадцать минут, но сейчас я старшая сестра. Так сказала Мег, отправляясь в колледж. Когда ты рулишь в доме, приходится отвлекаться на всякую ерунду.

— Ладно, — раздраженно выдыхаю я, — но мы срежем путь.

Эми ненавидит ходить из нашего района к дому Салли коротким путем — по крутому мосту и через парк. Думаю, это напоминает ей о папе, которого нет уже шесть месяцев и тринадцать дней (хотя никто их не считает). Когда мы были маленькими, он водил нас в этот парк смотреть на звезды, и я готова признать, что мне больно об этом вспоминать, но так дорога будет короче на милю, если не больше.

Обогнав меня, Эми устремляется на улицу. Я выхожу на холод следом. Когда поднимается ветер, она обхватывает себя руками, но зубы у нее стучат так, словно тело слишком вымотано, чтобы сохранять тепло. Словно она совсем не отдыхала прошлой ночью.

Когда мы добредаем до конца квартала, перед нами вырастает дом Лори. Он единственный ребенок в городе, живущий в доме современной, а не старой колониальной постройки. Его бабушка оказалась достаточно богата и влиятельна, чтобы убедить историческое общество разрешить ей построить новый дом.

В его комнате не горит свет, и я делаю вывод, что он, скорее всего, спит. Мы с ним воздерживаемся от посещения тусовок

у Салли с тех пор, как познакомились там, пока были на первом году старшей школы, а все потому что оба ненавидим подобные мероприятия. Но обычно он засиживается далеко за полночь, чтобы отметить Новый год со своей бабушкой. «Она для меня лучшая компания», — говорит он всегда.

Ни с того ни с сего Эми останавливается, и я врезаюсь в нее.

— Что ты... — выдыхаю я.

— Джо... — Она устремляет взгляд вперед, вдруг приседает на корточки и идет так, чтобы получше разглядеть что-то в дальнем конце улицы. — Что это?

Я протискиваюсь мимо нее, не обратив внимания.

— Знаю, что ты не любишь срезать путь, но это уже немного...

— Джо, подожди. — Она тянет меня за пальто, не сводя взгляда с холма возле дома Лори, крутой склон которого сплошь состоит из камней и корней деревьев. — Мне кажется, я видела... — Она без предупреждения срывается с места — и бежит прямо по сугробам, продираясь через кусты.

— Эми! — кричу я.

Но она продолжает идти, медленно взбираясь по холму со стороны моста.

— Эми, стой!

Она отважно ныряет в заросли деревьев и идет по убегающей вверх каменистой тропке, которой даже нет на карте.

— Ты упадешь.

Она останавливается под старым узловатым деревом: телефон выскальзывается из руки, а колени едва заметно подгибаются, словно земля уходит у нее из-под ног.

Я делаю судорожный вдох:

— Давай, спускайся оттуда.

Но тут она издает звук, который я не забуду до конца своих дней. У нее из груди вырывается надтреснутое и дрожащее:

— Бет?

Этот единственный слог эхом прокатывается по улице, и все остальные звуки исчезают. Снежинки на мгновение неподвижно висят в воздухе.

— Джо! — кричит Эми, хватаясь за колени. Она дрожит. — Джо!

Я без раздумий пускаюсь бежать и, в отличие от Эми, не останавливаюсь — лишь замедляю шаг. Картина, открывшаяся моему

взору возле ствола дерева, настолько невообразима, что меня поневоле тянет туда.

Сначала это напоминает мне стих, который кажется бессмысленным, пока не прочтешь его несколько раз.

Бет лежит на снегу. И снег красный. И залито красным все вокруг нее, и она сама. И ее глаза открыты, но в них ее уже нет.

ГЛАВА 2

Дми

(сейчас)

Я бросаюсь к Бет, и мои легкие саднит от запертого в них крика. — Нет. — Джо оттаскивает меня в сторону. — Нет, мы должны позвонить в полицию.

Вырываюсь из ее захвата, чувствую, как слезы струятся по лицу, и хватаю ртом воздух, словно слишком долго пробыла под водой. Оттолкнув Джо, я падаю на колени прямо в снег, хотя в таком облегающем платье мне больно даже нагнуться. Пульс. Я должна нащупать пульс. Но едва я прижимаю пальцы к шее Бет, ее кожа проминается.

Я кричу, а Джо внезапно оказывается рядом — и успокаивает:

— Все в порядке. Все нормально.

Но ничего не в порядке.

Ничего не нормально.

Устремляю взгляд в землю, потому что мне невыносимо смотреть на лицо Бет — на глубокий разрез у нее на лбу, на покрытую синяками кожу. Она вся в грязи: долго катилась вниз по склону холма. И кровь, так много крови... За все годы, что занимаюсь живописью, я никогда не видела настолько красного, почти багряного цвета. Все вокруг забрызгано им, и он продолжает изливаться на чистый, белый снег.

— Что произошло? — спрашиваю я, но, возможно, эти слова не вырываются наружу, застревая у меня в горле.

— Я звоню девять один один. — Джо набирает номер, и я узнаю гудки: высокий тон, потом два низких. Она звонила туда несколько лет назад, когда я провалилась под лед на Уолденском пруду. Я пробыла там так долго, что даже перестала мерзнуть.

— Здравствуйте, я бы хотела сообщить... мне нужно сообщить... э... — Джо это явно дается непросто, но она предпринимает еще одну попытку: — Моя сестра... Кажется, она мертва.

Эти слова ощущаются как удар под дых.

Мертва.

Кажется, она мертва.

Какого черта Джо так выражается? Будто все уже решено. Но это именно так, разве нет? Я заставляю себя заглянуть в ореховые глаза Бет, но они впервые на моей памяти не блестят и в них нет жизни. Они пустые и безучастные, а ресницы покрыты запекшейся кровью. Медленно и нежно я касаюсь ее кисти. Ее холодные как лед пальцы совсем задеревенели.

— Нет. Нет, нет, нет, — бормочу я.

Джо слушает указания оператора службы спасения, из трубки доносится его спокойный, приглушенный голос. Она прикладывает два пальца к шее Бет, но это бесполезно.

— Ничего, — говорит она в трубку.

Оператор задает еще один вопрос, но внизу открывается дверь, и я отвлекаюсь.

Лори выбегает из своего дома и несется вверх по заснеженному холму, на ходу запахивая пальто. Его смуглая кожа контрастирует с ослепительной белизной снега.

— Джо? Эми? Это вы?

Голос Джо впервые срывается:

— Лори, слава богу, ты здесь.

Он карабкается к нам, с хрустом ступая по веткам.

— Что здесь происходит? Я слышал крики.

— Не смотри. — Джо не дает ему подойти, но он видит Бет поверх ее плеча, и у него отвисает челюсть.

— О боже.

Вдалеке нарастает вой сирен. Они столько раз фоном звучали в городе — пострадавшие туристы, пожары на чердаках, — но сейчас у них совсем другой звук. Словно они оплакивают нашу потерю.

Джо вытирает нос тыльной стороной ладони.

— Мне нужно сходить за мамой.

Мама.

Нужно сказать маме.

Мама должна это увидеть.

Джо убегает, и когда она уже оказывается на полпути к дому, Лори, пошатываясь, подходит ко мне. Его голос дрожит:

— Она...

Я киваю, продолжая сжимать в ладони заочневшие пальцы Бет.

— Тебе надо выбираться из сугроба.

Мне никогда в жизни не было так холодно, но я не хочу отходить от Бет. Лори не оставляет мне выбора: сильными руками он поднимает меня за подмышки. Я смотрю на свои голые колени, мокрые и красные.

Предпочла бы стоять на своих двоих, но я слишком слаба, мне слишком плохо. Приходится привалиться к Лори; и я прижимаюсь лбом к его плечу, и пытаюсь успокоиться, чувствуя его ладони на моей спине. Перед мысленным взором вспыхивает воспоминание о прошлой ночи — как мы на ощупь искали друг друга в темноте, — и у меня сдавливает горло от стыда.

— Как она здесь оказалась? — спрашивает он, и его взгляд как будто становится темнее.

Я вспоминаю вечеринку. Ванную Салли Гардинер. Бет, плачущую на бортике ванны с ножками в виде львиных лап.

— Я не...

— Как она здесь оказалась? Как это произошло? — повторяет Лори, проводя рукой по своим густым, коротко стриженным волосам, как будто ему сложно собрать мысли в кучу.

Я помню все как в тумане — выпила слишком много шампанского, — но у меня в ушах до сих пор звучат низкочастотный бит и доносящийся снизу смех, заглушающие кричащую на меня Бет.

— Это все я виновата, — выходит так тихо, словно голос отказывается мне повиноваться.

Лори крепче обхватывает меня руками.

— Не начинай.

— Я говорила ужасные вещи.

Он бросает на меня понимающий взгляд.

— Ты была пьяна.

Внутри к ужасному чувству горя примешивается стыд. Тогда я была не просто пьяна — я напилась до чертиков. А поскольку я знаю свою сестру как облупленную, в пылу ссоры не составило труда надавить на ее уязвимости.

— Я бросила ее. Сломала, как куклу, и бросила.

Лори крепко держит меня за плечи, и я вспоминаю прошлую ночь. Он не планировал приходить на вечеринку, но появился под конец, чтобы увидеться со мной, и сложно поверить в то, что произошло потом... Сначала Лори оттаскивал меня от Бет, убеждал сесть к нему в машину и шептал: «Остынь. Пожалуйста. Все смотрят». Потом мы ели тако прямо в салоне, смеялись, вывалившись на парковку, — так он пытался заставить меня протрезветь. А еще был мягкий свет в его комнате, его похожая на кокон постель, наши слившиеся в поцелуе губы, одежда на полу, прикосновения, объятия... и вдруг, ни с того ни с сего: «Эймс, нам не стоит этого делать».

Заслышав звук приближающихся шагов, я выпутываюсь из его объятий.

Это Джо — она вернулась вместе с мамой, и та бежит, словно все еще в больнице и кому-то срочно нужна реанимация. Похоже, она так устала за ночь, что легла спать прямо в униформе, а ее волосы до сих пор стянуты в пучок. Может, поэтому ей сначала удастся устоять на ногах. Потому что бейджик с именем до сих пор приколот к ее карману. Потому что ей можно побыть медсестрой, а не мамой, пусть и очень недолго.

Она останавливается на склоне на полпути к нам, и ее взгляд мечется от одной жуткой детали картины к другой.

— Элизабет. — Имя слетает с ее губ, как молитва. А потом она падает на колени.

— Мама, нет! — восклицает Джо.

Но мама ее не слышит. А может, ей наплевать. Она поднимает Бет из сугроба и крепко прижимает к себе, но голова Бет с пропитанными кровью волосами запрокидывается, безжизненно мотаясь на шее.

Это настолько тошнотворное зрелище, что меня рвет — выворачивает наизнанку всем, что было внутри, до последней капли. Впервые в жизни я верю, что тела и души — разные вещи. Это не моя сестра. Уже нет.

Мама прижимается головой к окоченевшей, пустой груди, и с ее губ слетает не то чтобы плач — скорее стон, словно кто-то оторвал часть ее сердца.

Я понятия не имею, что делать, и, похоже, в кои-то веки Джо и Лори в такой же растерянности. Мы стоим и молчим, пока нас совсем не оглушают сирены, и на холм не прибывают первые спасатели, быстрые, как метель.

ГЛАВА 3

Мег

(сейчас)

Раздается звонок — пронзительное треньканье вызывает у меня дичайшую головную боль. В попытке найти телефон я шарю вокруг и надеюсь, что кошмарный звук не разбудит Энни. Но мы живем в одной комнате, и наши кровати стоят так близко друг к другу, что она уже начинает ерзать.

— Прости, — со стоном выдыхаю я.

Она зарывается головой под подушку.

— Да кто в такое время может не спать?

Солнце уже встало, его лучи бьют прямо в окно, но, по ощущениям, еще совсем рано. Мы с Энни вернулись домой хорошо за полночь как последние из гуляк, отмечающих Новый год в музыкальном баре сразу за территорией кампуса. Я никогда не гуляю допоздна и не накидываюсь джин-тонику как не в себя, но этой ночью в баре выступал Джон Брук, а когда он играет на пианино, весь мой здравый смысл тает без следа.

Телефон верещит снова, и Энни издает низкий протестующий рык.

Кто бы это ни звонил, он заслуживает игнора. Разве этот человек не знает, что даже от малейшего чириканья у меня может взорваться голова? Но звонят уже второй раз, поэтому я отвечаю:

— Алло?

— Мег? Ты проснулась? — доносится до меня голос Джо. Он звучит так глухо и мрачно, и тон настолько не характерен для нее, что я сажусь в кровати, мгновенно трезвея.

— Что случилось? — хриплю я, едва ворочая пересохшими губами.